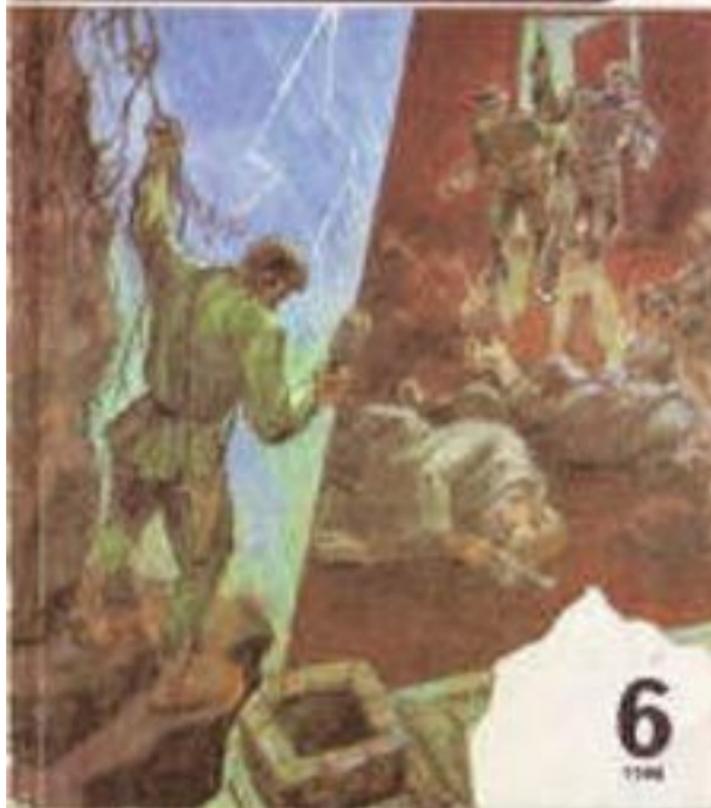

ВОДЯ И МОРЯ

СЪБИТИЯТА ИЛИ ИСТОРИЯТА НА СЪВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ

6
1946

Валерий Денисов
По кличке «Боксер»: Хроника
времен культа личности

Олег-FIXX (fixx10x@yandex.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159252

Щит и меч, № 6 (66): Москва; 1990

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	14
1.	15
2.	33
3.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Валерий Денисов

По кличке «Боксер»:

Хроника времен

культы личности

Об авторе:

Валерий Денисов, полковник милиции в отставке, лауреат литературной премии Союза писателей СССР и МВД СССР, многие годы работал в журнале «Советская милиция». Его перу принадлежат книги: «Жизнь – награда на финише», «Зенитки бьют по ведущему», «В час по Гринвичу», «Офицер милиции» и другие. Они получили признание читателей.

ПРОЛОГ

День выдался даже по бакинским меркам необычайно жарким и сухим. Солнце плавало землю, выжигало траву. Небо казалось выцветшим и белесым, словно его задернули пергаментом. Застыл вечно штормящий Каспий. Древний город будто вымер. Непривычная тишина воцарилась над Баку. И лишь в спортивном зале стоял невыносимый гвалт. Вокруг ринга сомкнулись кольца взбудораженных, разгоряченных ожиданием жарких поединков болельщиков. Их не смущала тяжелая, сжимающая сосуды, давящая на барабанные перепонки атмосфера тесного помещения. Они стояли вдоль стен, теснились на грубых скамейках, сидели на полу почти рядом с канатами. Ажиотаж понятный – идет чемпионат республики.

Пока на ринге – легковесы, попросту – «мухачи». Боксеры солидных весовых категорий еще разминаются в маленьких душных комнатках. В углу одной из них гнул, приседал возле подвешенного «мешка» стройный белокурый юноша. Иногда он застывал в стойке и бил короткими сериями. Стоящий рядом с ним седовласый мужчина делал быстрые замечания:

– Шаг в сторону. Назад. Не бойся сделать шаг назад. Это не трусость и не проигрыш. Это – тактика.

Тренер замолчал, наблюдая за тем, как выполняет его со-

веты спортсменов. Дождлся, когда тот сделал перерыв в разминке.

– Соперника нужно суметь обыграть в тонкой игре. Нахрапом его не возьмешь. Вот он какой крепыш, – тренер повел взглядом в противоположный угол комнатухи. – Кулаки что кувалды.

Крепыш в этот момент яростно атаковал свой «мешок». Бил, бил, наваливаясь всей грудью.

– Берегись его прямых ударов, – еще раз напомнил тренер белокурому...

И вот пришла пора выходить на ринг этой паре. Блондин был новичком и в городе, и в зале. Его проход между теснящимися болельщиками прошел почти незамеченным. Но едва появился крепыш, как зал взревел от восторга:

– Задави его, Коля! Даешь нокаут! Знай наших!

Боксеры разошлись по углам. Прозвучала команда рефери:

– Бокс!

Крепыш сразу же пошел вперед. Атлетически сложенный, напористый, он предпочитал боковые удары, стараясь наносить их с максимальной силой. Его тактические намерения проявились сразу: уже на первых секундах потрясти соперника. Блондин, помня указания учителя, стремился сохранять дистанцию, остановить напор партнера резкими и точными, прямыми ударами в голову. Ему удавалось главное:

держат мощного соперника на расстоянии и при первой же возможности контратаковать.

Все это оказалось неожиданным для крепыша. Он привык к тому, что силовое давление приносило ему успех уже на первых минутах. А тут происходило что-то непонятное. К такому бою он не был готов и начал нервничать. Засуетился. Все чаще его удары не достигали цели, приходились в перчатки соперника, а то и просто в воздух. Излишне суетясь, крепыш расходовал много энергии. И к концу первого раунда выглядел заметно уставшим. Рисунок боя не изменился и во втором раунде. Это сразу же сказалось на зрителях: в зале повисла неестественная тишина, а затем где-то в задних рядах послышался робкий свист, еще и еще. Публика явно выражала неудовольствие. Крепыш ясно понимал, что оно относится к нему. Блондин здесь был чужаком. Кто-то из болельщиков крикнул с отчаянием:

– А ну, Коля, поднажми!

Но этот крик заглушил гонг. Все понимали: два раунда остались за новичком – он более грамотно провел их.

Тренер склонился над ним, жадно глотающим воздух.

– Спокойнее, спокойнее. И не расслабляйся, противник самолюбивый, полезет в драку.

Так оно и случилось. Едва лишь рефери на ринге дал сигнал к началу боя, крепыш, низко наклонив голову, пошел напролом.

Он понимал: очки ему не отыграть, нужна чистая победа. Любой ценой. Несколько раз ему делали замечания за удары внутренней стороной перчатки, за то, что идет на соперника с низко опущенной головой. Он приносил извинения и... не ослаблял напора. Блондину удавалась защита, он упруго передвигался по рингу, умело уходил из углов, в нужный момент подставлял под удары соперника перчатки. Внимательно следил за партнером. И все же прозевал огромной силы удар, который пришелся чуть ниже солнечного сплетения... Блондин рухнул на дощатый пол, как подкошенный. Зал взревел: нокаут! Сейчас начнется счет, а затем судья поднимет руку всеобщего кумира...

Но счет открыт не был. Рефери подошел к боковым судьям, о чем-то начал с ними шептаться.

Возле нокаутированного спортсмена суетились фельдшер с тренером. Зал замолчал так же неожиданно, как взорвался. Ждали решения судей. И вот оно прозвучало:

– За нанесение запрещенного удара дисквалифицирован...

Далее называлась фамилия крепыша. Он, еще недавно сияющий, как-то сразу обмяк и понуро поплелся в раздевалку. А блондина унесли туда же на носилках.

Победная серия чемпиона республики была прервана. И кем? Этим динамовским новичком. Было от чего досадо-

вать. И крепко, обхватив широкими ладонями голову, сидел неподвижно на скамье. В девятнадцать лет, да еще такому самолюбивому пареньку переживать поражения нелегко. Тренер это понимал и не приставал с нравоучениями. Правда, укорил с болью: «Как же это ты, Николай, такой подлый удар провел? Ведь видел я, как это произошло. Сознательно бил... Стыдно мне за тебя».

Сказал и вышел из раздевалки. Но не успела закрыться за ним дверь, как в комнату вошел незнакомый человек.

Он был в отлично подогнутом кителе, отливающим стерильной белизной, и синих галифе. На ногах – хромовые сапоги, на голове – фуражка с солидным козырьком, под которым прятались темные, блестящие, как каспийская нефть, глаза. Сейчас в них играли веселые огоньки. От всей его фигуры веяло здоровьем и доброжелательностью.

Человек решительно подошел к Николаю.

– Что же ты, парень, голову повесил? Вроде не побили тебя. Я бы сказал наоборот: вон какого красавца на пол свалил.

Николай нехотя оторвал голову от ладоней и с какой-то непонятной злостью стрельнул колючим взглядом по незнакомцу. Тот заметил этот «выстрел». Однако радушное выражение его лица не изменилось.

– Ну, ну, выпускай пары. Только ведь злиться не с чего. Если смотреть объективно, что важно? Не проиграл. А ведь мог – здорово тебя соперник два раунда изматывал, ой скользкий, увертливый, как уж. А ты выстоял. Да еще резер-

вы в себе обнаружил...

Злость в глазах Николая сменилась недоумением: «И что этому чудаку от меня надо? Ишь, какой утешитель выискался...» А «утешитель» между тем продолжал:

– Любо-дорого посмотреть, какие точные и сильные удары провел ты в третьем раунде. А как дерзко, я бы сказал, вдохновенно шел вперед, как напористо рвался к цели, Да уже за одно это, будь я судьей, поднял бы твою руку. Но... – незнакомец причмокнул языком, – смазал ты концовку. Выдержки не хватило, разум уступил у тебя, браток, место эмоциям. И пошел ты, скажем так, на сделку с совестью...

При этих словах Николай встрепенулся:

– А вам-то до всего этого что за дело?

– Вот-вот, и Сейчас горячишься. А дело-то у меня к тебе действительно есть. Ну-ка, подвинься чуток.

Человек в кителе присел на скамейку рядом с боксером.

– В зал я зашел из любопытства: хотелось посмотреть – каков ты в бою...

– Вы что, тренер? Переманить меня хотите?

– Да подожди ты! – Незнакомец положил руку на колено Николая. На верхней стороне ладони боксер заметил наколку – маленький фиолетовый якорек. – Не кипятись, остынь. Я ведь тебя достаточно хорошо знаю: и то, что производственник ты отменный, и что комсомолец сознательный, активный.

– Это как же понимать? Следите за мной, что ли? – с необъяснимой тревогой в голосе спросил Николай.

– Интересно. Так будет правильнее. Ты ведь из Астрахани прибыл?

– Да-а... – протянул боксер.

– И в ломбарде работаешь?

– Точно.

– И нравится работенка? По тебе она, молодцу?

Николай стушевался и пробормотал еле слышно:

– А где сейчас лучше найдешь?

– Это как искать. Да и вообще, случается, что работа, браток, сама тебя ищет. Ты и не догадываешься порой. Вот как в нашем с тобой случае. Подбираю я таких, как ты, сильных, молодых людей. Полных комсомольского задора, верящих в светлое будущее и способных драться за него. – Незнакомец усмехнулся. – Вместо того, к примеру, чтобы перетаскивать провонявшие нафталином вещи в ломбарде, приходи-ка, браток, ко мне в гости, потолкуем о дальнейшем твоём житье-бытье. – Человек протянул боксеру небольшой клочок бумаги. – Там адресок.

Сказав это, незнакомец поднялся и вышел из комнаты...

Два дня Николай маялся, отходил от своего недавнего поражения на ринге. А на третий решил все-таки воспользоваться странным приглашением незнакомца и сходить по указанному адресу.

Каково же было его удивление, когда оказался он у зда-

ния АзГПУ. Сверил по бумажке номер дома. Нет, все точно. Николай остановился в нерешительности, и в тот же момент ощутил, как на плечо опустилась чья-то тяжелая рука. Обернулся и обмер: перед ним стоял блондин, которого он запрещенным ударом нокаутировал на ринге.

«Влип! – промелькнуло в голове Николая. – Мужик с якорем притворялся. Знал, – что я чекиста свалил недозволенным приемом и теперь меня арестуют, как контру. И зачем потребовалось комедию ломать?»

Трудно сказать, о чем бы еще подумал Николай и какое бы решение принял, но течение его мыслей прервал блондин.

– Ты к нам зачем?

Прямой вопрос требовал прямого ответа. И Николай протянул своему недавнему сопернику по рингу листок бумаги. Тот быстро прочел текст и подсказал:

– Тебе в двенадцатую комнату. Я провожу. Кстати, фамилия моя Маньковский.

– Поляк, что ли? – поинтересовался Николай.

– Да, вроде. Родителей не помню, а родом из Сибири. В здешних местах новичок. По службе сюда перевели.

Маньковский подошел к часовому, что-то объяснил ему, показал записку, с которой пришел Николай. Часовой долго с кем-то созванивался. В конце концов оба молодых человека прошли в здание. Расстались они у комнаты с номером двенадцать... Вот так в жаркий июльский день двадцать девятого года привела судьба чемпиона республики по боксу

Николая Сатова в ОГПУ. На службу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЗВЕЗДНЫЙ ГОД НИКОЛАЯ САТОВА

– Сколько дел о террористических актах против вас и Берия было заведено?

– Шестнадцать-семнадцать...

– Сколько людей в связи с ними было расстреляно?

– Не помню. Обычно расстреливали.

– Вы верили, что против вас готовились террористические акты?

– Нет, не верил.

– Почему же вы допускали фальсификацию таких дел?

– Я не вникал в них...

(Из допроса бывшего первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Багирова Генеральным прокурором СССР. 9 апреля 1954 года).

1.

– Вася, сворачивай в Ичери-Шехер, – скомандовал Зобин,

– Так ведь нам в Баладжары нужно, товарищ капитан, – с недоумением произнес шофер.

– Успеем, успеем в поселок. Делай, что говорю.

Довольно потрепанный «газик», шумно пыхтя и обдавая прохожих облаками черного дыма, с трудом развернулся в узком переулке и покатил в направлении крепости.

Зобин любил старый район города. С его таинственной Девичьей башней, ажурным дворцом Ширваншахов, уходящим в небо минаретом Сынык-Кала. Эти памятники старины, величественные в своем безмолвии, эти руины некогда неприступных стен, на камнях которых запечатлена вечность, вселяли мысли о суетности бытия, о мелочности повседневных забот, давали успокоение. А глинобитные стены домов и заборы, образующие бесконечные лабиринты узких, тенистых улочек, словно губка, впитывали в себя августовскую жару. Ему же, Зобину, как никогда раньше, требовалось остыть и успокоиться, обдумать все, что сказал утром заместитель наркома.

Неладное Семен Захарович почувствовал уже в приемной. Молоденький сержант в отлично подогнанной и тщательно отутюженной форме резко поднялся из-за стола и, открывая перед капитаном дверь кабинета шефа, произнес с

явным укором:

– Что это вы задерживаетесь? Комиссар недоволен.

«Так ведь звонок ко мне был лишь пять минут назад, – подумал Зобин, – пока пробежишь все этажи да коридоры...» Однако эта «крамольная» мысль оборвалась, едва Семен Захарович увидел Борщева, стоявшего в непривычном для него месте, около окна.

– Чем вы занимаетесь, Зобин, черт вас возьми?!

От неожиданности начальник секретно-политического отдела брякнул первое, что пришло в голову.

– Так вам же известно...

– Мне ничего не известно, – прервал комиссар подчиненного. – Зато там, – Борщев поднял вверх руку, – там все о нас с вами известно. Сегодня ночью мне звонил народный комиссар. И о чем вы думаете шел разговор?

Зобин неопределенно пожал плечами и тихо спросил:

– Неужели обо мне?

– О вашей никудышной, отвратительной работе! – замнаркома отошел от окна и почти вплотную приблизился к капитану. Казалось, он навис над Зобиным и вот-вот обрушит на него удар. Но последовал лишь поток самой отборной брани. Излив таким образом накопившийся гнев, Борщев несколько остыл и проговорил уже более спокойно: – За какой хрен вам платят деньги, дают пайки, в санаторий посылают! Ведь вы ничего за последнее время не выдали. Все мелкая рыбешка, плотвичка...

Зобин хотел было что-то возразить, но Борщев, заметив это желание подчиненного, вновь заорал/

– Молчать! Вы что, не понимаете, о чем идет речь? Вся страна, встревожена невиданной активизацией контрреволюционных сил. А у нас тишь да благодать. – Борщев перевел дыхание, а затем продолжил все с тем же напором: – Москва меня информирует, что в республике заговор, готовится террористический акт против товарища Багирова, а мои оперативники и следователи ушами хлопают...

«О чем он говорит, – думал Зобин, – о каких силах, о каком моменте? Ведь не дурак, вроде, знает истинное положение дел: просто нужно убрать с дороги тех, кто мешает, кто много болтает о демократии. Видимо, наверху спешат и давят. Против такого пресса устоять трудно, почти невозможно: упрешься – раздавят. Сейчас вот нажали на Борщева, он – на меня, а я на кого?»

Ответ на этот немой вопрос дал Борщев:

– В общем, товарищ Ежов обвинил нас в бездеятельности и недвусмысленно намекнул на оргвыводы. А ты знаешь, что стоит за такими намеками? Требование к себе сейчас одно: результаты – немедленно. На носу – выборы, и не дай бог, – замнаркома сделал многозначительную паузу, – не дай бог, что случится. Начни-ка, пожалуй, с кадров. Ищи, Зобин, ребят молодых, здоровых телом и духом! Таких, у которых классовая ненависть ключом бьет. У которых руки при виде врага чесаться начинают. Такие не подведут. Молодые, они

ведь как – все побыстрее сделать норвят. Так я говорю?

...Вот такой разговор состоялся у Зобина, и сейчас, лениво блуждая на «газике» по Ичери-Шехеру, он вспоминал его подробности. Во всяком случае, угроза была высказана, нужно принимать меры. Иначе беду не отвести. Кого-то потребуются отправить на пенсию, кого-то «пустить по делу» (некоторые из «старичков» в последнее время вызывают у него подозрения). Но главное – отыскать надежную замену. В слово «надежную» Зобин вкладывал свое понятие. Ему импонировали люди, которые при слове «надо» прикладывают руку к козырьку фуражки и четко отвечают: «Будет сделано!» или в крайнем случае строго по-военному: «Есть!» Так, как сделал это сейчас шофер Василий, направивший «газик» по указанию своего шефа в сторону Баладжар.

Минут пятнадцать спустя Зрбин, миновав отдавшего честь часового, шагнул в тоннель сумеречного освещенного, кажущегося бесконечным, коридора районного отдела.

В нос ударил резкий устойчивый запах, так присущий казенным помещениям. Капитан брезгливо поморщился и даже остановился на мгновение, словно наткнулся на что-то, и в этот же момент откуда-то сбоку ворвался поток солнечного света. Это отворилась дверь, ведущая во двор. Коренастый мужчина, попав с яркого солнца в полутьму коридора, чуть было не сбил Зобина. Извинился и побежал дальше. Капитана удивил внешний вид сотрудника: гимнастерка, брюки – все как надо, но вот на ногах вместо сапог – парусиновые

тапочки, а на руках – боксерские перчатки.

– Любопытно, – пробормотал про себя Зобин, а как только вошел в кабинет начальника отдела, поинтересовался: – Кто это у тебя, Онищенко, по коридору в тапочках бегают?

– В тапочках? – переспросил Онищенко, ошеломленный неожиданным визитом важного руководителя.

– В тапочках, тапочках, да еще с боксерскими перчатками.

– Так то Сатов. Опер наш.

– Ему что, делать нечего? Служебное время, работы не-проворот, а он бега по коридору устраивает.

– Так то не по коридору, на дворе хлопцев боксу обучает. У нас сегодня физподготовка.

Зобин прошел мимо стоящего навтыяжку Онищенко и занял по-хозяйски его место за столом.

– Сатов... Сатов, – произнес он задумчиво. Что-то напоминало ему эта фамилия. Интуиция подсказывала: с этим человеком связаны какие-то события, правда, сравнительно далекие. Где же он встречался с опером-боксером? И вдруг словно молнией озарило сознание: ясно представил хижину в горах, хлесткие струи южного ливня, бьющие в лица уставших чекистов, поникшие фигуры связанных бандитов и занесенный для удара по лицу их главаря мощный кулак молодого оперуполномоченного в изодранной гимнастерке.

– Так ты говоришь – Сатов? Это не тот ли молодец, что брал Ага-кули?

– Он самый.

– И что это за человек? – с нескрываемым интересом спросил Зобин.

– С работой справляется, как говорят, от дела не бегаёт. Добрый хлопец... Самолюбив, пожалуй. Помню, в тридцать втором, он тогда к нам только прибыл, поехал Никола в Москву на соревнования боксеров «Динамо». Там ему руку повредили, може и сам сломал, не помню. Но как сегодня вижу, ходил он месяц без малого хмурым. Это оттого, что красоваться теперь на пьедесталах не придется: какой чемпион со сломанной рукой...

– А если по службе?..

– И по службе тоже. Не дай бог не отметить его за удачно проведенную операцию, неделями дуться будет. Любит, когда хвалят.

– Так это же хорошо, от похвалы крылья вырастают.

– Оно, конечно, так, но крылья от земли отрывают.

Зобин рассмеялся:

– Хитер ты, Онищенко, наверное, думаешь, капитан глаз на Сатова положил, вот и скромничаешь на похвалу. Так ведь я его, считай, первый раз встретил, – о событиях в горах Семен Захарович решил умолчать.

Сатов. Взрывной, смелый, дерзкий. Да если еще молод, да честолюбив, да с небольшими грешками. Это как раз тот материал, с которым Зобину нравилось работать. Честолюбивый любой приказ выполнит, в огонь и воду пойдет, если за ним последует продвижение по службе или награда. Че-

столюбие и карьеризм всегда рядом ходят. А что касается грешков, то с их помощью можно человека надежно держать на крючке. Нет, определенно, Сатов заинтересовал Зобина. «Ах, какие удары он наносил тогда Ага-кули, – вспомнил снова начальник секретно-политического отдела. – Такими душу можно выбить из арестованного, не то что признание. Надо побеседовать с этим опером».

...Когда Николай узнал, что его приглашает высокий начальник, прибывший в отдел, он сразу представил того человека, которого чуть не сшиб в коридоре, и понял, выволочка будет.

– Здравствуйте, Сатов! – совершенно неожиданно для опера приветливо встретил его капитан. – Проходите, садитесь.

Николай отодвинул стул, стоящий у приставленного к письменному столу столика и уселся на краешек, да так неловко, что оказался на полу: вес-то почти под сто килограммов. Капитан заразительно засмеялся:

– Да что же вы так, Сатов? Честное слово, не ожидал в вас такой застенчивости. Вспомните, как брали Ага-кули?

«Ну вот, все становится ясным, – обреченно подумал Николай. – А смех? Так это типичный следственный прием... Нет, не простил он мне того «бокса».

– Тогда в горах вы производили совсем другое впечатление, эдакий лихой партизан, – не дожидаясь ответа Сатова, продолжал Зобин, – максималист. Все ему ясно: враг, зна-

чит, хрясть по морде...

Оперуполномоченный не силен был в психологии, потому и не мог понять веселого настроения собеседника. Чего уж тут веселиться, если пришел долги требовать. Прямо скажи: настал твой черед, Сатов, отвечать. И нечего зубоскалить. Но отвечать что-то надо.

– В горячке я был... – Николай замялся, не зная, как величать Зобина, ведь тот не представился.

Опытный следователь заметил это и пришел на помощь:

– Зобин. Семен Захарович.

– Если можно, ваше звание? Так привычнее.

– Капитан.

– Товарищ капитан, сами помните: двоих мы потеряли, особенно жаль было командира, во многих переделках мне с ним пришлось побывать...

* * *

Сообщение о том, что Ага-кули с группой своих приспешников укрылся в горной хижине, поступило под вечер. Руководитель отряда чекистов, вот уже второй месяц идущего по кровавым следам банды, решил, несмотря на сгущающуюся темноту и хлынувший ливень, идти на задержание. Однако находящийся в отряде следователь Зобин советовал повременить. Его аргументы, на первый взгляд, были убе-

дителями: к хижине вдоль узкого глубокого ущелья ведет единственная тропка, к тому же густо заросшая кустарником: оступить в такой тьме ничего не стоит. А оступится кто, значит, шум большой выйдет. Бандиты чутки, как звери. Услышат и перестреляют чекистов по одному.

Но Муслим Кулиев стоял на своем: «Медлить нельзя, сколько раз Ага-кули уходил от нас, уйдет и сейчас, если промедлим. Наверняка у него есть и другая тропка, о которой нам неизвестно».

– Э! Плохо ты знаешь моих аскеров, Зобин, – закончил свою мысль Муслим, молодой еще, лет под тридцать, командир, в недавнем прошлом бурильщик одного из апшеронских промыслов. – Слушай, дорогой, дождик что? Ерунда дождик. Помощник нам. Шумит себе. И пусть. Глухой бандит будет. А на тропу курсакими ляжем и, как ящерицы, поползем, зубами за траву держаться будем. Не пойдем ночью – уйдет Ага-кули. Давай людей поднимать...

Кулиев подошел к спящим на полу заброшенной овчарни чекистам. Негромким, то твердым голосом скомандовал:

– Кончай ночевать!

Казалось, нет силы, которая смогла бы поднять этих безмерно измученных, полуголодных мужчин.

Но люди, лишь десяток минут назад рухнувшие смертельно усталыми на соломенную подстилку, встрепенулись, повинувшись приказу. В коротком сне их готовность к немедленным действиям была привычно на взводе. Это профессио-

нально. Так всегда бывает с теми, чья работа проходит в неожиданных, часто меняющихся ситуациях. А чекисты находились именно на такой работе. И ситуация в этот раз была самая экстремальная.

Когда отряд построился, Кулиев обратился к Зобину:

– Товарищ следователь! Зачем тебе идти? Твое дело – потом, когда поймаем бандитов. Здесь подожди нас...

– Нет, – отрезал Зобин, – я как все.

Двигались гуськом, медленно, соблюдая предельную осторожность. Кожаные подошвы сапог скользили на мокрых камнях, колючий кустарник жестоко бил по лицам, рвал в клочья одежду. Шли практически вслепую, наощупь. Лишь изредка свет молний, пробиваясь сквозь тучи, как через матовое стекло, давал некоторую возможность ориентироваться. Кулиев пропал где-то впереди, Зобин шел замыкающим и видел впереди себя, метрах в Двух, лишь спину одного из чекистов.

Каждый из идущих людей, лишенных практически зрения, до предела напрягал слух. Пока ничего подозрительного не улавливалось: доносился лишь звенящий звук срывающихся с отвесных скал потоков, да громыхали редкие раскаты грома. Правда, однажды Зобин услышал, как невдалеке что-то шлепнулось о землю. И почти одновременно он уткнулся в спину идущего впереди Геокчиева, опытного чекиста.

– Что случилось? – спросил шепотом.

– А кто его знает. Видать, споткнулся человек, – ответил Геокчиев,

– Может быть.

Но в этот момент цепочка тронулась. Так шли минут сорок. Страшный нечеловеческий крик раздался, когда до цели, судя по расчетам, оставалось совсем малость. Протяжное «а-а-а» с тоской пронеслось по ущелью. Жуткая догадка обожгла мозг: «Кто-то сорвался». Так оно и оказалось. Беда! Но последующие события показали, что это было лишь полбеда. Крик услышали не только идущие, но и те, кто ждал «гостей». Треск выстрелов совпал с очередной вспышкой молнии, что позволило Зобину увидеть, как мокрая спина соседа рванулась вперед. «Куда он?» – подумал следователь и, не сознавая своего поступка, движимый необъяснимой солидарностью, побежал за чекистом. Но тот исчез... Снова полыхнула молния. Спасибо ей! Следователь успел заметить, что тропа кончилась, кустарник расступился и они – на открытом пяточке, обрамленном густыми зарослями. Вдоль них залегли бойцы. Зобин плашмя бросился на камни и ловкими движениями убрался с тропы под защиту растений. «Дошли до цели, – зафиксировал он мысленно. – Ну, а что Кулиев надумал делать дальше? Охотничий домик, судя по всему, впереди. Как говорил проводник, над ним нависает довольно крутая скала, поросшая травой. Слева – скалы, справа – ущелье. Значит, тупик. А у бандитов – пулемет, винтовки, гранаты. Сколько их там, никто точно не знает.

Вроде бы пятеро. Но это те, кого видел идущими по проклятой тропе все тот же проводник. Ведь кто-то мог спрятаться в хижине раньше?»

Следователь размышлял, по привычке анализируя обстановку, строя разные версии относительного того, что предпринять дальше – «штыков»-то у них всего десять. Арифметика незавидная.

Кулиеву некогда было размышлять.

– Николай, – чуть слышно позвал командир молодого оперативника Сатова. – Домишко видишь?

– Смутно.

– Надо узнать: откуда огонь ведут.

– Попробуем. – Сатов вытянул вперед маузер и нажал на спусковой крючок.

Едва прогремел выстрел, как в ответ последовала пулемётная очередь.

– «Гочкинс». Английский, – отметил Кулиев. – И винтовка...

Он заметил, что бьют из окон.

Кулиева удивило, что у бандитов не оказалось охраны. Видимо, они были абсолютно уверены, что об их «гнезде» ничего никому неизвестно. Да и вряд ли предполагали, что в такую погоду кто-либо ночью решится идти по «тропе смерти». «Свое название она уже оправдала, – с болью подумал командир, – одного бойца мы потеряли. А скольких недосчитаемся еще?» И тут ему пришла в голову дерзкая мысль.

– Коля, ты, говорят, боксер?

– Был таким, да весь вышел.

– Но сила, ловкость у тебя же осталась, а?

– Вроде есть еще.

– Прогуляться туда-сюда надо...

– Прогуляться? – не понял Сатов.

– Да, вот за тот домишко сходить.

– Каким путем? Туда же не подойдешь, вмиг очередью срежут.

– По скалам, дорогой, по скалам. Тебя Геокчиев прикроет...

Муслим объяснил Сатову свой план.

...Николай словно впечатался в скалу. Влажный мрамор охлаждал щеку, тело болезненно ощущало каждую неровность поверхности. Одной рукой он сумел ухватиться за ниспадающий сверху стебель дикого винограда, другой нащупал пучок какой-то жесткой травы, торчащей из расщелины. Пальцы босой ноги (сапоги пришлось сбросить на пятачке) искали выступ к стене. И вот удача – упор найден! Теперь подтянуться за стебель и переместиться чуть вперед. Вроде получилось. Вторая нога тоже ощутила опору, пусть крохотную, но державшую его молодое тело... В свете занимавшегося утра Сатов сумел рассмотреть весь пяточок перед строением, увидеть лежащих в засаде товарищей. Вот и знакомая фигура Кулиева. Тот махнул рукой, значит, заметил оперативника. И вот тут-то произошло то, от чего молодого чеки-

ста бросило в жар.

Кулиев приподнялся, выпрямился во весь рост, вынул из кармана белый платок и, что-то крича, двинулся в сторону хижины. Командир решил дать возможность бандитам сохранить жизнь. Но ответом на предложение Кулиева была пулеметная очередь. Муслим рухнул, сраженный пулями. Дикий крик вырвался из груди Николая, свободная рука как бы сама собой рванула с пояса гранату, зубы потянулись к чеке взрывателя... Граната угодила точно в дымоход. Взрывной волной, словно прессом, прижало Сатова к стене. Пальцы руки, которой он держался за стебли растений, произвольно сжались в мертвой хватке, что и спасло оперативника от падения.

А внизу рванулась к хижине поднятая взрывом цепь чекистов.

Следователь, принявший командование, распорядился связать задержанных, вывести их на воздух. Сам же с Геокиевым задержался в полуразрушенной хижине, чтобы составить рапорт о случившемся и произвести, как положено, обыск. А когда он вышел, то увидел, как окровавленный боконогий боец в изодранной гимнастерке четкими методическими движениями обеих рук наносил остервенелые удары главарю банды Ага-кули.

Тот пытался уклониться, защититься как-нибудь, но тщетно. Стоящие же вокруг чекисты застыли в зловещем безмолвии.

– Прекратить немедленно! – заорал Зобин, срывая голос, и, чтобы придать своей команде больший вес, выстрелил вверх.

В два прыжка он оказался возле проводившего самосуд чекиста.

– Кто таков? По какому праву бьешь пленного?

Молодой оперативник нехотя опустил руки и ответил глухо:

– Сатов я, оперуполномоченный, а бью этого гада по праву мести. Он, сволочь, командира Нашего убил, и Сенька Жуков по его милости в пропасть свалился.

– Ты что, под трибунал захотел? – все еще, не сдерживая себя, кричал Зобин. – Законность революционную нарушать... Да кто тебе это позволил? Взять у него оружие! – следователь обвел взглядом кольцо собравшихся вокруг места происшествия чекистов, ожидая, кто выйдет вперед и разоружит Сатова. Но люди оставались на месте. Разум подсказал следователю: обострять ситуацию не стоит.

– Ладно, дома разберемся, – проговорил он дрогнувшим вдруг от бессилия голосом. – А сейчас собрать трофеи, связать задержанных и в путь...

Позже заняться инцидентом, произошедшим во время последней схватки с бандой Ага-кули, Зобину так и не пришлось – перевели следователя на новое место работы, появились совсем иные заботы. Стерся в памяти и колоритный образ чекиста, вершившего там, на горном пяточке, суд. И

вдруг вот такая неожиданная встреча...

* * *

Семен Захарович понял, наконец, причину растерянности опера и решил сразу все поставить на место.

– Забудьте, Сатов, ту историю. Она уже канула в лету. Сейчас и время другое, да и мы изменились. Просто увидел вас в коридоре и решил поинтересоваться, как живете, как работа идет.

– Да вроде грех жаловаться. Взысканий не имею, поощрения есть...

– Это все частности, а в целом – жизнью довольны?

Сатов замялся: попробуй скажи, что засиделся в должности, пора бы продвинуться, такое прищьет. Нет, нас не проведешь, и твердо произнес:

– Доволен.

– И все-таки, место службы переменить не хотелось бы?

– Пока никто не предлагал.

– А если будет такое предложение?

– Тогда и обдумаю...

Следующий вопрос прозвучал для Сатова неожиданно.

– Вы давно отца видели?

Опять следователь куда-то загоняет. Вновь Николай насторожился.

– Так он же у меня помер. Год уже прошел.

– Разве? А я недавно в «Вышке» читал: инженер Александр Сатов выехал в Татарию на помощь местным нефтяникам. Вашего ведь тоже, кажется, Александром звали.

– Правильно. Но мой из военных.

Зобин это прекрасно знал. Перед тем, как вызвать оперуполномоченного, он уже здесь, в кабинете, хотя и мельком, успел ознакомиться с его личным делом. Имелся в жизни Сатова небольшой компромат, так, пустячный штрих биографии, связанный с отцом, и следователь интересовался, не попытается ли его утаить младший лейтенант. Этим обстоятельством и был продиктован следующий вопрос:

– Не уточните ли, из каких военных?

– Просто военный. В армии служил.

– Так ведь армия сейчас у нас одна. Красная, а была и белая...

– Он в ней не служил. Вот в царской нес службу офицером. Но осле революции добровольно пришел в Красную Армию.

– Вот как. Значит, из военспецов.

– Выходит, И в гражданскую от Фрунзе награду получил.

– Что ж, таким отцом можно гордиться...

То обстоятельство, что оперуполномоченный – отпрыск царского офицера, добросовестно служившего Советской власти, не имело особого значения в те годы, когда Сатов пришел работать в ГПУ. Тогда преданность революции про-

верялась в борьбе. И то, как проявил человек себя в ней, а не анкета служило рекомендацией ему.

Теперь времена изменились: данные графы «социальное происхождение» многим ломали судьбы. Зобин убедился, что в личном деле записано все правильно, Сатов от отца и его прошлого не отрекается. И вот это самое «неотречение», по сути дела признание связи с прошлым, будет числиться еще одним грешком за ним. Тем самым появляется новая веревочка, за которую можно будет дернуть, когда потребуются, и держать нового сотрудника на коротком поводке. А то, что Сатова нужно брать в отдел, Зобин уже не сомневался.

2.

– Рад видеть вас здесь, Сатов, – приветствовал начальник СПО, – и поздравить с новой должностью, приказ уже подписан. Но я хотел, прежде чем представитесь непосредственному начальнику, сказать вам пару слов.

– Спасибо, – ответил на поздравление Николай. – Вечно буду признателен за ваше внимание ко мне,

– Я-то как раз хочу сказать, что, проявляя к вам интерес, забочусь прежде всего о службе. Не скрою, вы мне симпатичны, но должны показать себя в настоящем деле. И вам сейчас представляется для этого отличный случай. – Голос капитана звучал почти торжественно, по всему чувствовалось, что он готовится произнести что-то особо важное. Так оно и оказалось, – Вчера наркомом республики подписан приказ о проведении чекистской операции по изъятию всего враждебного социально опасного элемента. Мы были слепы, как котята. Нас убаюкали величайшие достижения последнего десятилетия. Нас ослабила радужная перспектива желанного будущего: вот он – социализм, вот оно – всеобщее счастье. А враг тем временем копил силы, плел зловещую паутину заговора, троцкистско-зиновьевские перевертыши внедрялись в партийные органы, армию. Может быть, считанные дни, часы оставались до их контрреволюционного выступления...

С каждым словом Зобин все более возбуждался: щеки его

покрылись румянцем, в глазах появился блеск, дыхание становилось прерывистым, отчего часть слов оставалась где-то внутри капитана. В такое состояние обычно впадает человек, искренне взволнованный тем, что говорит, глубоко убежденный в правоте своих слов и страстно желающий приобщить к этой убежденности своего собеседника. Но в данном случае мы имели пример высокого артистизма. Недаром в наркомате Зобин слыл мастером перевоплощения. Как актер древней Эллады, в зависимости от той роли, в которой предстояло выступить, он искусно менял маски. И всегда был весьма убедителен. Да, он страстно желал убедить в том, о чем говорил, то есть в наличии всеобщего заговора, нового сотрудника. Но вот насчет личной убежденности... Ее-то как раз и не было, потому как человек информированный и заслуживший доверие верхов, Зобин знал: заговора не существовало. Просто вождь республики Багиров решил, что наступил момент свести счеты с людьми, которые долгие годы безуспешно пытались разоблачить его. В Москву в разные инстанции шли письма о том, что Багиров совсем не тот человек, за которого себя выдает. Не ясен вопрос, когда он вступал в партию, и вступал ли вообще. Вымысел – его утверждение об участии в революционном движении 1917—1918 годов. Не могло быть такого, ибо в этот период он был... начальником полиции, помощником уездного комиссара мусаватистского правительства. Сохранилось даже письмо министру внутренних дел тогдашнего националистического го-

сударства с блестящей характеристикой Багирова, как «ревностного сторонника мусавата». Оправдывал он эту оценку хозяина и когда с бандой набранных им уголовников и головорезов учинил зверскую расправу над революционно настроенными крестьянами Кубинского уезда, и когда, находясь уже при отряде дашнакского бандита Амазаспа, участвовал в разгроме русских и азербайджанских селений. Именно за это Багиров оказался арестован красногвардейскими отрядами, но с помощью покровителей избежал заслуженной кары. Выручал его и в дальнейшем закадычный друг и брат по убеждениям Лаврентий Берия, бывший провокатор и агент мусаватистской контрразведки. Как говорится, услуга за услугу. В свое время Багиров, будучи председателем АзГПУ, пристроил нынешнего замнаркома СССР у себя в ведомстве. Однако ни первый, ни второй не могли себя чувствовать спокойно, пока по земле ходили люди, знающие их прошлое, пока хранились в различных архивах компрометирующие документы. Но с последними решалось все просто: едва перейдя на работу в Москву, Берия провел с помощью верных подручных операцию по изъятию опасных бумаг из бакинского архива НКВД. С живыми же свидетелями было не все так просто. До поры до времени. Удобный случай подвернулся скоро. Едва начались громкие процессы над организаторами различных выдуманных блоков в столице Союза, как Берия подкинул своему дружку идею о проведении карательной акции в республике. Вот тогда-то и был подпи-

сан приказ о тотальном уничтожении контрреволюционных элементов, о котором так вдохновенно говорил Зобин.

– Вы понимаете, Сатов, глубину и ответственность задачи? – он сделал многозначительную паузу и продолжил: – Уже сегодня, рано утром, почти все сотрудники аппарата выехали в районы...

«Вот почему так пустынно в здании», – подумал Сатов, а хозяин кабинета все говорил:

– И вы немедленно должны выехать в Шемаху к своему непосредственному начальнику. Вгрызайтесь в работу. Покажите, на что способны. Осознайте все историческое для республики, для окончательного утверждения социализма значение операции. Масштабность ее. И найдите свое место. Лучшего экзамена не придумать. Проявите себя.

Все это время Сатов стоял, невольно вытянувшись по струнке. Еще бы – о таких делах разговор. И он готов оправдать доверие и Зобина, и наркома, да что там наркома, вождя! «Если враг не сдается, его уничтожают». Словно прочитав эти мысли нового сотрудника, капитан произнес:

– Никакой сентиментальности, никакой пощады! А теперь раз решите пожелать вам успеха, и, не задерживаясь, отправляйтесь в Шемаху. Командировочные документы получите в канцелярии. А я – к наркому в штаб операции. – При этих словах Зобин протянул оперуполномоченному руку.

«Хорошо сказать – в канцелярии. А где она? Не станешь

же стучать в каждую дверь, к тому же наверняка закрытую».

Выйдя из кабинета Зобина, Николай остановился в растерянности. «Придется спускаться вниз к часовому». Но в это время он заметил в конце коридора человека, идущего ему навстречу. «Повезло!» – обрадовался Сатов, но радостная улыбка, вспыхнувшая было на лице, тотчас угасла: в приближающемся сотруднике он узнал... своего давнего соперника по рингу Маньковского, которого нокаутировал запрещенным ударом в двадцать девятом году. «Вот незадача, видать, он здесь в начальниках ходит, припомнит еще былое...»

Однако рослый блондин, приблизившись, спросил с подкупающей приветливостью:

– Вам помощь не нужна?

– Вот канцелярию ищу...

– Так это этажом выше, комната тридцать вторая, я, кстати, тоже туда иду.

Николаю ничего не оставалось, как следовать за Маньковским.

– Что-то я вас раньше не встречал в наркомате. Командированный, наверное? – поинтересовался Маньковский.

– Да нет, служу здесь, – ответил Сатов, но заметив недоуменный взгляд попутчика, добавил: – Первый день.

– Тогда понятны ваши затруднения. – Маньковский сочувственно улыбнулся.

Документы были оформлены быстро, и оба сотрудника почти одновременно вновь оказались в коридоре.

– А я ведь вспомнил нашу встречу, – Маньковский лукаво подмигнул Сатову. – Здорово ты меня тогда подловил, часа через три только очухался.

– Так ведь не нарочно...

– Судьи, если не ошибаюсь, сочли тот удар умышленным... Ну, да бог с ним. Кто старое помянет, тому что?

– Глаз вон.

– Правильно. Александр, – Маньковский протянул руку.

– Николай, – машинально ответил рукопожатием Сатов,

– Куда путь держать собираешься?

– В Шемаху.

– Жаль, что не вместе поедем. Меня в Али-Байрамлинский район посылают. Думаю, еще встретимся.

3.

На следующее утро, когда солнце еще не взошло и было относительно прохладно, к ветхому глинобитному домику, где квартировал Маньковский с женой, подкатила полупортка. Машину здесь уже ждали. Александр в форме, при оружии сидел, подперев голову руками, на табуретке в тесной затененной прихожей. Татьяна, его жена, женщина пышная, с крупным, но не потерявшим от этого обаятельности, лицом, обрамленным густыми русыми волосами, собранными сзади в пучок, с завидной обстоятельностью заканчивала укладку вещей мужа.

– Ну, кажется, ничего не забыла, – произнесла она с заметным удовольствием. В этот момент раздался звук автомобильного клаксона. Маньковский посмотрел на часы, улыбнулся:

– Муса, как всегда, точен.

Маньковский вышел на улицу и удивился – кузов машины, приспособленный для перевозки людей, был пуст, хотя предполагалось, что вместе с ним поедет в Али-Байрамлы большая группа оперативников.

Муса, стройный азербайджанец, никогда, даже в самые жаркие дни, не расстававшийся с кожаной курткой, перехватил удивленный взгляд Маньковского.

– Э, – он резко поднял руки вверх, – сам думал, Алек-

сандр Иосифович, много наших поедет. Прихожу, понимаешь, в гараж, говорят: Маньковского забирай, и все. Почему все? Что такое все? Вчера еще уехали, говорят, увезли, что надо.

– Ладно, уехали, так уехали, – Маньковский распахнул дверцу кабины.

Пейзаж навевал тоску и клонил ко сну. Но выбоины да голос Мусы не давали Александру заснуть. А то, что говорил шофер, все более возбуждало интерес следователя, вспыхнувший, как только он узнал, что оперативники уехали без него. В последнее время он отметил что-то неладное в отношении к нему начальства. Его выводы по ряду дел вызывали нескрываемое раздражение, особенно, если речь шла об освобождении людей из-под стражи. На его замечание о том, что дознание произведено неквалифицированно, что нет доказательств вины, следовало неизбежное и торопливое: оставляйте дело, мы сами разберемся. Не прошло незамеченным для следователя и желание непосредственных руководителей, того же Зобина, скрыть от него кое-какую информацию... Муса между тем сказал то, что особенно насторожило Маньковского.

– Степашка, кунак мой, – шофер на секунду оторвал взгляд от дороги и повернулся к пассажиру, – вы его знаете, рыжий такой, э!

– Знаю, знаю...

– Говорит кунак: оперы грузили много-много оружия.

Винтовки, понимаешь. Пулеметы, понимаешь. Как так? – спрашиваю Степашку. – Какие такие пулеметы? Отвечает: старые английские. Винтовки тоже, патроны...

– Зачем все это? – тихо, словно для самого себя, задал вопрос Маньковский.

– Вот и я, дорогой, думаю: зачем?

Информация, полученная от Мусы, насторожила. За этой возней со старым оружием явно что-то скрывалось.

Старая полуторка пылила по неухоженным дорогам к районному центру Али-Байрамлы, эдакому зеленому оазису, раскинувшемуся на берегах быстрой Куры, среди солончаковой пустыни,

В здании районного отдела, скрытого за строем стройных пирамидальных тополей, следователя уже ждали. В кабинете начальника собрались все члены местного штаба операции. Присутствовали и представители республиканского наркомата, а среди них – Потапов – начальник той самой опергруппы, которая так неожиданно выехала в Али-Байрамлы. Этот человек первым поднялся на встречу Маньковскому.

– Вот, товарищи, к нам уважаемый следователь прибыл. Мы как раз ждем тебя, Александр Иосифович, фронт работ, как говорится, для тебя уже подготовлен. Обиделся небось, что не заехали, – руководитель опергруппы нарочито рассмеялся. – Так ведь отдельскую машину оставили тебе персонально, чтобы с шиком доехал.

– Мне в данном случае не до шуток. Просто непонятна

ваша торопливость, и неясно, с какой целью везли сюда оружие.

– Какое оружие? Никакого оружия не было, – насторожился Потапов.

Маньковский, заметив, что присутствующие прислушиваются к их разговору, сказал:

– Ладно, потом разберемся...

Александр смотрел сквозь открытое настежь окно во двор, обнесенный высоким кирпичным забором, по гребню которого тянулась колючая проволока. Напротив окна, под раскидистой чинарой буквой «п» стояли скамейки. К ним подошли трое одетых а штатское мужчин. Двое из них были знакомы Александру – наркомовские оперуполномоченные. А третий? Со спины не разобрать. Но вот он вынул пачку папирос, закурил и, развернувшись в сторону здания управления, сел. От удивления Маньковский даже привстал со стула, что не ускользнуло от уполномоченного наркомом руководителя операции,

– Вы хотите что-нибудь сказать? – обратился он к Маньковскому.

– Нет-нет, – поторопился ответить Александр и еще глубже впечатался в стул. Но с этого момента вопрос о том, что делает в Али-Байрамлы тот человек с папиросой, каким образом он оказался в управлении, да еще вместе с сотрудниками НКВД, гвоздем застрял в голове следователя. С трудом

дождался окончания совещания. И едва удалось освободиться от толчеи спешивших начальников и командиров, Маньковский задал этот вопрос Потапову:

– Какого черта здесь делает Караоглан?

– Кто такой?

– Да вы что? Ведь прекрасно знаете, о ком я спрашиваю, об уголовнике-рецидивисте Кардашхане Мирзоеве – Черном парне.

Потапов откинулся назад и, сделав удивленные глаза, посмотрел на следователя.

– Неоткуда ему тут взяться. Смешно даже: Мирзоев – и вдруг в Али-Байрамлы. Сидит он давно в темнице сырой. Нет, определенно перегрелся ты в дороге, товарищ. Обознался. Мало ли на земле людей похожих, по мне, так все местные чучмеки на одно лицо...

На той же полуторке подъехал Маньковский к дому, куда его определили на постой. У ворот легким поклоном встретил хозяин – старик азербайджанец. Молча проводил навязанного гостя в полупустую комнату и так же, не проронив ни слова, удалился.

Южная августовская ночь приходит быстро, не предупреждая. Казалось, еще минут пять назад Маньковский ясно видел в окно вершины далеких гор и вдруг все погрузилось во мрак.

«Вот тебе раз, – заволновался следователь, – о лампе я не

спросил хозяина. Ложиться еще рано, поработать надо».

Он крикнул в темноту:

– Хозяин!

Ответа не последовало. Пришлось искать путь в хозяйскую половину дома наощупь. Натыкаясь на самые различные предметы, пробегая пальцами по шершавым стенам, чертыхаясь про себя, он в сердцах двинул ногой по встретившейся преграде и, надо же, та со скрипом подалась. «Дверь», – обрадовался следователь. Действительно, оказался во дворе. Это Маньковский понял сразу, едва поднял голову вверх: над ним нависал утканый светлячками звезд черный бархатный ковер. Мерцание далеких светил, удивительный ночной покой действовали умиротворяюще. С каждой секундой улетучивалась суетность забот, еще совсем недавно наполнявшая его. Александр стоял в каком-то странном оцепенении. И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы вдруг не раздался треск хрустнувшей где-то рядом ветки. Маньковский крикнул:

– Кто здесь? – и тут же почувствовал прикосновение чьей-то руки.

– Хозяин я, Юсуф-оглы. Спать тебе нада.

– Лампа мне нужна, да вот заблудился. Спичек у меня не водится – некурящий.

– Не куришь? Яхши, хорош. Лампа дам.

– Сам-то, дедушка, чего не ложишься? – поинтересовался Маньковский.

– Нет спать. Злой люди ночью ходит. У соседа чужой ходил туда-сюда. Ахмед сам видел. Другой день Ахмеда чека забрал. Винтовка нашли. Какой винтовка! У нас каждый знает, кто что имеет. Не был у Ахмеда винтовка.

– Постой, старик, как ты говоришь?.. Маньковский запнулся: страшная догадка возникла у него, но поверить в нее было невозможно. Однако он пересилил себя, спросил просто: – Сад, значит, караулишь?

Юсуф-оглы досадливо щелкнул языком и ничего не ответил, а уверенно, словно видящий сквозь тьму, пошел куда-то, увлекая Александра за собой. Он быстро провел гостя в комнату, дал ему лампу.

...Уполномоченный наркомата, чрезвычайно взволнованный и озабоченный, отчего его выпуклые глаза, казалось, вот-вот выйдут из орбит, встретил Маньковского коротким деловитым вопросом:

– Кабинет есть?

– Еще днем определили.

– Тогда за дело. Операция началась и идет прекрасно. Все складывается, как надо, – уполномоченный потер от удовольствия руки. – Чует мое сердце, прихлопнем всех разом. Видел небось троих арестованных? Понимаешь ли, – он перешел на доверительный шепот, – дело-то пахнет заговором. Шутка ли! Уже первые показания дают основания предполагать, да что там предполагать, утверждать: готовились тер-

порикистические акты! Знаешь, чем это пахнет?.

Маньковский знал. Признание в терроре вело, согласно закону от 1-го декабря 1934 года, к немедленному приведению в исполнение смертного приговора.

Уполномоченный меж тем продолжал:

– Работы у тебя будет хоть отбавляй, действуй энергично, как теперь говорится, по-стахановски. Свидетельских показаний у нас до статочно, вещдоки найдутся, так что не тьяни резину. Добивайся признания и не церемонься. Помни – перед тобой враг.

Едва Маньковский уселся за стол, как в комнату ввалился Потапов.

– Ну, наконец-то! Задерживаешься, следователь. Мои ребята вон уже все в мыле, а ты, видать, прохлаждаешься.

Александр довольно резко оборвал вошедшего:

– Нельзя ли ближе к делу.

– Не кипятись. Там, за дверью, арестованный дожидается. Ночью взяли, в доме, тепленьким, прямо из постели. Не ждал нас, гад. Да так перепугался потом, что тут же во всем признался и расписался на бумажке.

– На какой бумажке?

– Набросали мы там чистосердечное признание, естественно, с раскаянием.

– Какое признание, какое раскаяние?.. И по какому праву вы в дом к человеку ворвались, допрашивали его, еще и арестовали. У вас что, ордер был, подписанный прокурором?

– Ну ты даешь, Маньковский! Пока мы всей этой бумажной канителью занимались бы, он улизнул. А насчет прокурора, так я считаю, что моя чекистская совесть вполне за него сойдет,

– Прекратите болтовню, Потапов, и, если на самом деле за дверь дожидается задержанный, пусть конвой его введет.

Вид у задержанного был жалкий. Растерянность таилась в больших черных глазах, особенно контрастно выделявшихся на мертвенно-желтом лице. Человек не скрывал своего испуга, не понимал, что с ним происходит. Подходя к столу следователя, он твердил на ломаном русском одну и ту же фразу:

– Зачем, начальник? Зачем?...

Маньковский жестом указал азербайджанцу на стул. Пришедший вместе с арестованным оперативник положил перед следователем какую-то бумагу и без приглашения сел на другой, стоявший возле двери.

Следователь пробежал по рукописным строкам принесенного «документа».

В нем содержалось то самое признание, записанное якобы со слов участника антигосударственного заговора и скрепленное его собственноручной подписью. В качестве последней следовало считать какую-то закорючку, напоминающую отдаленно одну из букв арабского алфавита. Маньковский поднял голову от «документа» и направил внимательный долгий взгляд на сидящего перед ним с поникшей голо-

вой, опущенными на колени потерявшими силу руками крестьянина. Знал ли тот, что своей закорючкой подписал себе смертный приговор?

– Вы говорите по-русски? – обратился, наконец, следователь к задержанному.

Азербайджанец поднял голову, повернулся в сторону Маньковского и тихо проговорил:

– Совсем мало, начальник...

Тогда Александр спросил оперуполномоченного:

– Вы принимали участие в задержании этого человека?

– Конечно, вместе с товарищем Потаповым и еще одним нашим – Рюминым.

– А переводчик, понятые были при этом?

– Чепуха все это, тут дело ясное – враг народа. У нас и доказательства имеются, – опер усмехнулся, – довольно убедительные. Работаем без брака.

– Насчет брака поговорим потом, а сейчас пригласите, пожалуйста, Потапова и переводчика.

– А как же этот? – опер кивнул в сторону азербайджанца.

– С этим я справлюсь.

Оперуполномоченный оценил взглядом статную фигуру следователя и удовлетворенный вышел в коридор.

Потапов не заставил себя ждать. Прихватил он с собой и местного чекиста, отлично знающего азербайджанский язык.

Первый вопрос начальника опергруппы был:

– Что-нибудь неясно?

– Многое, – коротко ответил Маньковский.

– Не понимаю, – протянул удивленно Потапов.

– Все ваши действия при задержании этого человека проведены с нарушениями закона. Надеюсь, мне не нужно перечислять, какими? Вы не первый год в наркомате...

– Но есть приказ наркома.

– Приказ наркома еще не закон.

– Ну, знаешь...

– Думаю, наши пререкания сейчас не к месту. Садитесь, Потапов. Проведем допрос подозреваемого, как того требует закон.

Маньковский достал из своей сумки пачку отпечатанных типографским способом бланков, положил один из них перед собой и обратился к переводчику:

– Объясните этому человеку, что отвечать на все вопросы он должен ясно, точно и, самое главное, правдиво. Желание скрыть какие-либо факты, обмануть следствие наказывается законом. Я жду от него только правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.